

120 лет со дня рождения Г.А. Глинки (1903–1989)

В этом году исполняется 120 лет со дня рождения писателя, литературоведа Глеба Александровича Глинки. Он родился 5 апреля (23 марта) 1903 г. в Симбирске. В 1925 году окончил Высший литературно-художественный институт им. В.Я. Брюсова. Был членом литературной группы «Перевал», публиковался в журналах «Новый мир», «Красная новь», «Молодая гвардия» и др. В 1941 году ушёл добровольцем на фронт, после ранения попал в плен, до конца войны находился в лагере для военнопленных в Польше. После окончания войны в СССР не вернулся. Жил сначала во Франции, затем в Бельгии и США. Опубликовал книгу о литературной группе «Перевал» (1954), сборники стихов «В тени» (1968), «Было завтра» (1972). Скончался 5 июня 1989 году в США.

...О жизни долгой и счастливой

В 1998 году его сын Глеб Глебович Глинка побывал в Ульяновске и подарил сочинения отца Дворцу книги – Ульяновской областной научной библиотеке им. В.И. Ленина. В нашем городе Глеб Глебович побывал ещё не раз. А в мае 2004 года в Ульяновск приезжала дочь писателя от его первого брака – Ирина Глебовна (1931–2015). Она подарила Ульяновскому областному художественному музею рисунки нашего земляка Аркадия Пластова, которые хранились в семье с довоенного времени, когда её отец дружил с художником. В тот приезд Ирина Глебовна рассказала нам почти детективную историю своего отца, вынужденно оказавшегося в эмиграции, и поделилась воспоминаниями об отце и дедушке.

В нашем городе проживало несколько поколений старинного дворянского рода Глинок. Прежде чем рассказать о Глебе Александровиче,

Ирина Глебовна
Глинка (1931–2015)

стоит вспомнить его знаменитого отца – писателя Александра Сергеевича Глинку-Волжского. Обратимся к воспоминаниям Ирины Глебовны Глинки¹ – в них оживают яркие картины жизни этой замечательной семьи.

Дед

Дед, Александр Сергеевич, родился в 1878 году. Печатался в перодике и до революции выпускал книги. Его произведения можно назвать философскими, литературоведческими и критическими эссе. Круг авторов, чьё творчество его интересовало и служило поводом для статей, был весьма широк. Первым следует назвать Достоевского, но ещё были Толстой, Лесков, Чехов, Глеб Успенский и многие другие. Эта широкая интересов помогла ему в советское время, когда собственные работы печатать стало невозможно. Он наш

Дом Глинок в Ульяновске

¹ Предлагаемые читателю отрывки воспоминаний – из книги И.Г. Глинки «Дальше – молчание. Автобиографическая проза о жизни долгой и счастливой». М. Издательство Модеста Колерова, 2006.

Александр Сергеевич
Глинка-Волжский (дед)

применение своим знаниям в качестве редактора-составителя и комментатора: готовил к печати большой однотомник Глеба Успенского, двухтомник рассказов и повестей Чехова и другие произведения.

Был дедушка подлинным главой семьи, в самом классическом патриархальном смысле. Взрослые, давно женатые сыновья со всеми своими проблемами приходили сначала к маменьке и только после обсуждения всех дел своих с нею осмеливались на разговор с папенькой. И решение, принятое им, исполнялось беспрекословно. При этом дед говорил всегда тихим голосом, мягко и деликатно.

Редакторская работа требовала сосредоточенности и тишины, поэтому рабочий день деда делился на две части, как и время сна. Начинал работать он в пять часов утра, зимой – ещё затемно, когда весь дом досматривал последние сны и тишина стояла полнейшая. В десятом часу садились завтракать все, кто был в доме, после чего дедушка отправлялся спать до двух часов пополудни. Обедали в начале третьего. После обеда дед вновь усаживался за работу (опять – в тишине). Только после семи уже можно было пошуметь нам, детям. В это время появлялись и визитёры. Если к вечернему чаю народу собиралось много – самовар приносился в столовую. Если же бывали только свои – чай накрывали в кабинете. Там, возле книжных полок, стоял тот овальный ореховый стол с четырьмя креслами, на котором стоит сейчас мой компьютер. Только кресло теперь осталось одно...

Аристократ

Воспоминания о вечерних чаепитиях в кабинете напомнило мне комический случай зимы 1940 года, времён злосчастной Финской войны.

В этот период вновь возникли проблемы с продуктами, ненадолго забытые в 1938–1939 годах. На столе были только нарезанный батон, сушки и тарелочка с ливерной колбасой. В застольной беседе наступила пауза. И в эту минуту из-под стола, с узкой его стороны, прислонённой к книжным полкам, высунулась чёрная кошачья лапа, протянулась точно к тарелочке с колбасой, ухватила два кусочка когтями – и исчезла. Грянувший хохот заставил воришку опрометью вылететь в коридор. Это был дедушкин кот, красавец персидских кровей, чёрный и пушистый, в белой манишке, в белых перчатках и носках. Постыдный эпизод с кражей ливерной колбасы был совершенно не типичен для этого аристократа – просто прислуга два дня не кормила его по забывчивости, а просить о чём бы то ни было он считал унижительным для себя.

Глеб Александрович Глинка. 1922

Душою и телом кот принадлежал дедушке и никому другому – просто не замечал остальных, не удостаивал вниманием. Когда дед работал, кот сидел за его спиной на подушке, припиленной к плоскому верху спинки большого вольтеровского кресла. Подушку – чёрную, бархатную, с аппликацией из трёх карт (тройка, семёрка, туз) вышила и подарила коту моя мама. Иногда он лежал на этой подушке в позе сфинкса, иногда сидел с прямыми передними лапами и высоко поднятой головой, как священные коты Египта. Когда ему становилось скучно, он осторожно протягивал лапу и гладил деда по щеке, возле бакенбарды. Дед в свою очередь протягивал руку, гладил его или цекотал за ухом, за что долго потом слушал благодарное мурлыканье.

Во время последней дедушкиной болезни кот не отходил от него. Выскочит по нужде на чердак – и бегом обратно. Всё старался улечься деду на живот – на больное место. У деда был запущенный рак. В последнюю неделю он громко стонал, когда кончалось действие морфия, и кот стал кричать. Не мяукать, а именно кричать и метаться по комнате, будто зовя на помощь... Совсем не ел, прижимался к дедушке и дрожал крупной дрожью. Когда всё было кончено, кот уже не мог издавать ни звука, из разинутого рта раздавалось какое-то сипение. Он медленно, шатаясь, переходил из комнаты в комнату и, казалось, плакал...

Это была первая смерть, которую я пережила. Странно, но больше всего я помню именно горе кота. Наверное, потому, что оно было... безмерным каким-то и совсем человеческим.

На Новинском и Бронной

Дедушка вспоминается нечасто. Он остался в довоенном времени, в доме на Новинском. Туда мне хочется вернуться, чтобы рассказать о доме подробнее, поскольку «моей» комнатой там был папин кабинет. Начну с него. Пол в нём с осени застилали плохо выделанными волчьими шкурами, которые за зиму совсем вытаптывались, лысели и по весне выбрасывались. А поскольку во все игры играть было интересно именно на шкурах, то по возвращении домой на Бронную мама раздевала меня догола и отправляла в ванну.

А ещё на Новинском топились печи (на Бронной было центральное отопление). Помню вечернюю игру с папой у печки. Он вырезал из плотной бумаги фасад многоэтажного дома с открытыми окнами и дверями, боковые части отгибал назад, чтобы дом стоял, и у открытой печи, где в глубине тлели угли, ставил его у краешка. В комнате гасился свет, и казалось, что окна в доме освещены изнутри... А потом – будто начинался пожар, и дом быстро сгорал, рассыпаясь пеплом... Я требовала повторения ещё и ещё, но пора было спать. Время перед сном, когда гасился свет и открывалась форточка, вопреки тамошним порядкам, потому что засыпать в духоте я не умела, было самым любимым. Окна папиного кабинета смотрели на запад, а чуть влево, наискосок виднелся Киевский вокзал за Москвой-рекой – тогда ещё не

было многоэтажной застройки с этой стороны реки...

Вечерами, когда родители уходили куда-нибудь вдвоём, оставляя меня ночевать на Новинском, время перед сном проводил со мной Витюшка. И самым любимым занятием нашим было разглядывание иллюстраций Гюстава Доре к Библии – огромный, тяжеленный том в кожаном переплёте укладывали мы на полу в круге света от старой настольной лампы под зелёным стеклянным абажуром, стоявшей на отцовском письменном столе. Сами же то лежали, то сидели тоже на полу возле неё, очень осторожно переворачивая страницы. Осторожно – не только потому, что берегли эту книгу, но и затем, чтобы скорее перевернуть страшные картинки. В войну книга пропала.

Бабушка любила гостей, а внуков хотела видеть не реже, чем раз в неделю. Так что, кроме постоянно жившего Витюшки и меня, проводившей

на Новинском не менее половины недели, бывали в гостях кузены: Лёшка, почти мой ровесник, сын дяди Бори, а также троюродный брат Шура, года на полтора старше меня: Он-то и придумывал сюжеты всех игр... Играли в пиратов или в разбойников, а ещё игру, доставшуюся по наследству от родителей, – в больших мальчиков. Непременным условием игр было переодевание. На пыльный чердак к сундукам нас не пускали, но в коридоре, между ступеньками в папин и дедушкин кабинеты, стоял волшебный шкаф. Кстати, ни в одной из книг по истории мебели мне никогда не встретилось ничего подобного. Стоял он, прижимаясь боковой стенкой к стене, а дверцы отворялись и спереди, и сзади, так что одежда висела в два ряда. Как я теперь понимаю, и глубина, и ширина у него были больше метра. Для нас, ребят, шкаф был полон сокровищ. Там висели студенческие и чиновничьи шинели деда, а может, и прадеда; висели крылатки

с пелеринами, старые форменные мундиры, фраки и дамские роброны. А на шкафу громоздились шляпы, картонки... Каждая из игр требовала определённых аксессуаров и даже костюмов. Так, благородные разбойники (сродни шиллеровским) облачались в крылатки и чёрные, мягкие широкополые итальянские шляпы. Неизменным атрибутом пирата был яркий платок, которым была повязана голова, и завязанный чёрный или красным глаз, почему-то всегда левый, как у Билли Бонса из «Остров сокровищ». А игра из детства родителей – в больших мальчиков – требовала пышных шейных платков и соломенных канотье с чёрными ленточками...

Когда в этих костюмах проносились мы всей ватагой через столовую, бабушка, перетирая стаканы, сполоснутые после чаепития в медной полати, задумчиво произносила что-нибудь вроде: «Эти канотье я купила мальчикам там-то в 1908 году»

Воскресший из небытия

Глеб Александрович, как и его отец, и дед, – уроженец Симбирска. Он один из трёх детей в семье смог получить высшее образование. Русскому слогу и стихосложению учился в Институте слова у Валерия Яковлевича Брюсова, который пренебрёг запретом обучать детей дворян-лишёнцев. Поэт, прозаик и публицист, Глеб Александрович не мог реализоваться в 1930-е годы, а война навсегда разлучила его с родиной.

В июне 1941 года Глеб Глинка по семейной традиции записался добровольцем в Краснопресненскую дивизию московского ополчения. Половина роты литераторов (а всего их было 1864 человека) собиралась во дворе ГИТИСа, в Кисловском переулке, а сбор второй половины назначен был возле Союза писателей – во дворе той самой усадьбы на Поварской, которую Толстой описал как дом Ростовых. Литераторов отправляли на фронт с одной винтовкой на четверых – остальным давали подкрашенные серые палки размером с винтовку, чтобы с вражеских самолетов войны казались вооружёнными. Из этих двух тысяч необученных романтиков в живых остались единицы...

Ополчение просуществовало до середины октября: в районе Вязьмы, вместе с двумя регулярными дивизи-

ями, оно попало в окружение. Большинство погибло. Кто-то оказался в плену, в том числе Глеб Александрович. Выжил по двум причинам: опытный охотник, он умел приспосабливаться к любым тяжёлым условиям существования. И ещё: хорошо знал немецкий язык.

Много лет Глеб Александрович считался пропавшим без вести, и лишь в 1956 году ситуация неожиданно прояснилась... Муж Ирины Глебовны, аспирант, обедая как-то в столовой МГУ, обратил внимание на молодого американского учёного, безукоризненно говорившего по-русски. Поинтересовавшись, откуда такое знание языка, он услышал ошеломляющий ответ: «У меня был прекрасный учитель, русский по происхождению – Глеб Александрович Глинка».

Человек трезвого ума и большого жизненного опыта, Глеб Александрович ясно понимал, что ждёт его после немецкого плена на родине, поэтому он не явился на советский сборный пункт и ушёл в Брюссель, где многие бывшие пленные нашли защиту. Чем мог зарабатывать бывший советский писатель? Он лепил игрушки по образцу вятских (выручило знание народных промыслов). Позже Глеба Александровича и некоторых других литераторов увезла

в Америку из разорённой послевоенной Европы Александра Львовна Толстая, и там он смог работать в русском издательстве имени Чехова. В 1956 году он собрал и выпустил антологию литобъединения «Перевал», членом которого был сам. В 1968-м, а потом в 1972 году издал два сборника новых своих стихов. Ещё Глинка продолжал заниматься переводами, а также преподавал американцам свой родной безукоризненно чистый язык.

Много лет Ирина Глебовна Глинка мечтала о встрече с отцом, но в условиях советского режима, когда связи с родственниками за границей пресекались, тем более Г.А. Глинка считался невозвращенцем, ей никак не удавалось выехать в США. В 1979 году сводный брат по отцу, рождённый в Бельгии уже после плена, в 1948 году, Глеб Глебович прислал Ирине письмо-приглашение, подкрепленное ходатайством врачей в связи с тяжёлым инфарктом отца. Но и это не помогло. Встреча Ирины Глебовны с отцом произошла через полвека после расставания, в 1989 году, перед самой кончиной Глеба Александровича. Зато Ирина обрела брата и познакомилась со своей подругой Лизой. Получилась счастливая пара. Прошли годы, и доктор Лиза превратилась в легенду, прославившую и того славный род Глинок.